

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Пикова Геннадия Геннадьевича «Элита кочевой империи (на материале империи Ляо, 907-1125)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история»

Работа Г.Г. Пикова посвящена изучению элиты империи Ляо (907-1125 гг.). В своей работе автор акцентирует внимание на нескольких актуальных аспектах истории государства киданей, среди которых им выделяются следующие:

- Ляо – первая империя в монголоязычной зоне Восточной Азии;
- диалектическое взаимодействие в государстве киданей двух цивилизационных зон, оседлой и кочевой, обусловило своеобразие великой восточноазиатской цивилизации в целом;
- политическая история киданьского государства есть квинтэссенция информации о деятельности этого своеобразного народа-элиты;
- отказ от односторонних оценок истории, так называемых тупиковых обществ, каковыми являются, прежде всего, кочевники, важен в мировоззренческом смысле.

Все обозначенные диссертантом проблемы, безусловно, являются актуальными. В своей работе автор не раз возвращается к их рассмотрению, предлагая собственную трактовку целого ряда аспектов из истории киданей и номадизма в целом.

Целью исследования Г.Г. Пикова стало изучение роли киданьской элиты в создании и развитии кочевой империи Ляо и в итоге демонстрация особой значимости этого фактора в цивилизационно-государственной истории региона (с. 12). Поставленная цель решается посредством десяти задач,

реализацию которых автор в той или иной степени демонстрирует в диссертационном сочинении.

Хронологические рамки исследования определяются, прежде всего, временем существования и расцвета империи Ляо (907-1125 гг.), хотя, как считает автор, для решения ряда исследовательских задач требуется рассмотрение предшествующего периода, т. е. так называемой додинастической истории киданей (III-IX вв.), и последующего времени существования Западнокиданьского государства Си Ляо - 1125 – 1218 гг. Территориальные рамки работы охватывают Восточную Азию, хотя, как отмечает диссертант, в силу специфики развития тюрко-монгольского мира и этнополитической жизни региона приходится обращаться и к материалу по истории близлежащих территорий, например, Сибири или Центральной Азии, (с. 13).

Теоретико-методологическая основа исследования включает совокупность взаимопроникающих и взаимодополняющих теоретических представлений. Важнейшим методологическим принципом, выделяемым автором, является представление о диалектическом развитии цивилизации. При проведении исследования он руководствовался принципами объективизма, историзма, комплексности и системности. В диссертационном исследовании активно используются традиционные методы исторического исследования: структурно-функциональный, историко-генетический, историко-типологический, проблемно-хронологический, ретроспективный, историко-биографический, принцип объективности, терминологический анализ, метод актуализации, метод периодизации, прием перспективности (с. 16-17).

Научная новизна диссертации определяется авторской интерпретацией понятий: «цивилизация», «культура», «империя», «кочевая империя», «элита», «возрождение», «управляющий класс». Г.Г. Пиков всесторонне рассматривает роль кочевой элиты как на общегосударственном уровне империи Ляо, так и в

различных конкретных сферах деятельности. Элита трактуется диссертантом как конструктор и трансформер социокультурной модели; транслятор, предлагающий обществу в целом и каждому его члену «цель» экзистенциального существования и формы и средства ее достижения; созидатель парадигмальных идей, лежащих в основе специфической цивилизационной кочевой модели (с. 18-19).

На защиту Г.Г. Пиковым выносит 11 положений. Каждое из них не бесспорно, и, требует хорошо обоснованной доказательной базы. Структура работы логична. Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и иллюстраций.

Первая глава диссертации «Государство Ляо как кочевая империя» включает два параграфа. Первый из них посвящен трактовки понятий «цивилизация», «кочевая цивилизация», «империя» и «кочевая империя». Автор представляет свое понимание этих терминов, практически не пытаясь обратиться к обширной литературе по этой проблематике, опубликованной, в том числе, и на русском языке. Складывается представление, что Г.Г. Пиков о ней или не знает или целенаправленно её игнорирует. Рассуждения о содержании понятиях «цивилизация» и «кочевая империя» сводятся лишь к изложению позиции диссертанта, при этом он не пытается сослаться на работы других исследователей, критиковать или поддерживать изложенные в них точки зрения.

Во втором параграфе главы автор касается вопросов становления государственности у киданей, проводя при этом разнообразные параллели из европейской и западноазиатской истории. Рассматривается процесс формирования бицефальной (двуглавой) системы власти у киданей (император – из рода Елюй, императрица – из рода Сяо) и установление монархической формы правления, перенятой у Китая, где император воспринимался как Сын Неба (тянь цзу) (с. 68-69). Автор выделяет характерные признаки киданьской империи, обращая внимание на развитую

систему управления, многоступенчатую социальную структуру с резкими полюсами, сочетание горизонтальной и вертикальной мобильности, переход от этнополитического принципа общественного устройства к социально-политическому, незначительную роль внутренних форм эксплуатации, развитие данничества и др.

Вторая глава диссертации называется «Киданеведение как одно из направлений истории изучения кочевников и их элит». В первом параграфе главы автор рассматривает различные точки зрения, нашедшие отражение как у самих киданей, так и у их соседей, на империю Ляо, а так же её анализ в трудах исследователей XX-XXI вв. В истории изучения киданей и их государств, по мнению Г.Г. Пикова, четко выделяются четыре особо крупных направления:

- 1) дальневосточное (киданьская, китайская и монгольская историография);
- 2) евро-американское (французская, английская, немецкая и североамериканская литература);
- 3) русское;
- 4) средневековое арабо-персидское.

Автор в ретроспективе рассматривает процесс формирования знаний о киданях и те информационные приоритеты, которыми руководствовались авторы исторических хроник и научных исследований. Первый этап изучения киданей был связан с вопросами формирования этнонима «цидань», определения истоков их происхождения и цивилизационной принадлежности этого народа. С момента образования киданьского государства в официальной китайской историографии все больше внимания начинает уделяться происхождению правящей династии этого народа и изучению их социально-экономического строя.

Современные исследования киданей сопровождались, по мнению автора, большим методологическим взрывом во второй половине прошлого

века, который способствовал не только появлению работ, направленных на сравнение отдельных цивилизаций, но и на изучение роли отдельных народов в обустройстве мира.

Во втором и третьем параграфах главы автором рассматривается донаучный и научный периоды в истории киданеведения. Г.Г. Пиков тщательно разбирает все известные к настоящим времени письменные источники по истории киданей и касается процесса их осмысления разными учеными. Значительное внимание диссертант уделяет и формированию российского киданеведения, анализируя работы предшественников и современников. По мнению автора: «В настоящее время очередной киданеведческий бум в России и странах Восточной Азии спровоцирован огромным выбросом в научный оборот археологического материала, широким применением разных методологических конструкций, возросшими возможностями междисциплинарного синтеза. Все это в совокупности с накопленным опытом открывает широкий простор для новых фундаментальных исследований (с. 153).

Третья глава диссертации Г.Г. Пикова посвящена этнополитическому контексту истории формирования и развития киданьской элиты. Автор разбирает все существовавшие версии о происхождении этого народа, начиная с точек зрения китайских историографов X-XI вв. Как и большинство современных исследователей, Г.Г. Пиков считает киданей монголоязычным народом, хотя и признает, что существуют и противники этой точки зрения (с. 167). Диссертант подробно излагает этнополитическую историю киданей, пытаясь выделить те факторы, которые повлияли на становление их государственности.

Значительное место в диссертационном сочинении уделяется роли Апоки (Абаоцзы) в формировании империи киданей. С его именем связаны меры по легитимации правящей династии, учреждение системы пяти столиц,

по примеру Когурё и Боха, а также введение в употребление киданьского письма.

Во втором параграфе главы Г.Г. Пиков уделяет внимание вопросам расширения киданьских владений и управления ими. По примеру сяньбийцев и бохайцев, второй киданьский император Тай-цзун учреждает отдельное управление кочевыми и оседлыми народами страны. Вся империя делилась на пять больших округов, по числу столиц.

Третий параграф третьей главы посвящен внешнеполитической деятельности киданьской элиты. Как считает автор, тесное взаимодействие на территории Восточной и Центральной Азии схожих по хозяйственному укладу тюркских и монгольских народов привело к формированию их цивилизационного единства. Кидани «создали возможности для более ровного общения тюркской и монгольской зон, если употребить современную лексику, способствовали созданию базы для «братских» отношений этих двух частей тюрко-монгольского мира» (с. 220). По мнению Г.Г. Пикова, они «заложили основы для треножника культур во всей Азии – тюркской, монгольской и китайской. Остальные народы, проживавшие на этой территории (иранцы, сирийцы, египтяне), или византийцы и европейцы, не сыграли заметной роли в этом особом «спектакле»» (с. 221).

В этом случае хотелось бы возразить автору. Влияние трех обозначенных культур в истории Азии, безусловно, значительно, но не менее важную роль в её культурной палитре сыграли индийский и ближневосточный регионы, давшие начало четырем мировым религиям индуизму, буддизму, христианству и исламу.

Значительное внимание в своей работе Г.Г. Пиков уделяет проблеме соотношения «Севера» и «Юга» - мира скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев. При этом пример киданей может быть одним из наиболее показательных. Автор пишет: «Кидани присвоили себе идею «центрального государства» ...У него (Китая-А.Х.) многое использовалось, часто, что

называется, «под копирку», но прочитывалось оно по-своему, более «правильно» и ему противопоставлялось свое. Особая роль Китая признавалась во всей Восточной Азии, а кидани доказать свое превосходство еще не могли» (с. 237).

Четвертая глава диссертации называется «Место элиты в социально-политической структуре киданьской кочевой империи». В ней автор представляет свою трактовку понятия «элита» и указывает на существование у киданей трехуровневого управляющего класса, что и дает ему возможность в полной мере задействовать термины - «знать», «аристократия», «элита». «Аристократию» киданей составляли племенные вожди «восьми кочевий» и другие представители знатных кланов. Под «элитой» автор понимает правящую верхушку киданьского общества, представленную, прежде всего, родами Елюй и Сяо, и решающую задачи общегосударственного плана. «Аристократия (своего рода «бояре») и элита («дворяне») не могли одолеть друг друга и их соперничество привело к патовой ситуации – невозможно было вернуться назад к аристократической модели и нельзя идти вперед, к будущей нации. В итоге ляоская «мировая» модель сначала законсервировалась, а потом потихоньку стала гнить» (с. 280).

По мнению Г.Г. Пикова, реформы Елюй Апоки резко стимулировали процесс формирования киданьской элиты. Он сохранил родовую знать и надстроил надродовую структуру. Новый род поднимается над остальными, претендуя не столько на нечто материальное (земля, богатство), сколько на универсальную власть. Именно универсальная власть становится новым политическим феноменом. «Отличие династийного рода и в том, что он не один из существующих, а как бы начинает новый ряд, наследуя все государство, а не то или иное родовое владение. ... Правители становятся «наверху» общества, выше них только «Небо» или «Бог»» (с. 285).

В отдельном параграфе четвертой главы автором рассматривается роль элиты в формировании и развитии военной инфраструктуры империи Ляо. В

основе военной практики киданей, как считает автор, лежит ряд социокультурных представлений и принципов, которые можно объединить выражением «теория войны». Она включает восемь позиций, каждая из которых поясняется исследователем. Г.Г. Пиков рассматривает состав вооруженных сил империи Ляо, снаряжение, снабжение и подготовку киданьских воинов, организацию походов.

В пятой главе Г.Г. Пиков рассматривает экономическое положение империи Ляо. Он подчеркивает, что кидани фактически придерживались экономической политики, суть которой можно выразить формулой «одно государство, две экономики». Киданьская элита преимущественно контролировала экономику северной части империи, а остальные части, прежде всего, Юг и Восток, регулировались в зависимости от этнополитической ситуации или экономических проблем (с. 331).

Наряду с сельским хозяйством киданьская элита уделяла значительное внимание развитию городов. Кидани не только использовали уже имеющиеся города в районах, заселенных оседлым населением, но и активно, осуществляли их строительство во всех районах империи. В стране развивались ремесла и торговля. «Закончив свои завоевания, империя Ляо стала одной из крупнейших империй тогдашнего Востока. Она приобрела богатые материальные и людские ресурсы. Под ее контроль попали караванные пути с районами Восточного Туркестана и Средней Азии» (с. 339).

Шестая глава диссертационного сочинения называется ««Киданьский Ренессанс» как основная форма культурной политики элиты». По мнению автора, элита Ляо уделяла значительное внимание сохранению традиционной культуры киданей. Эта деятельность верхушки империи именуется Г.Г. Пиковым «Киданьским Ренессансом». По его мнению, этот процесс «... есть смысл определять, как возрождение традиционной киданьской культуры на новой культурной основе – китайской культуре как культуре восточноазиатского метарегиона» (с. 347). Но как отмечает сам автор, в

данной ситуации мы имеем дело не с возрождением или восстановлением чего-то забытого или утерянного, а сохранением и приспособлением его к новым культурным реалиям. В таком случае это не Ренессанс, а аккультурация.

Седьмая глава называется «Между Западом и Востоком. Судьба киданьского эксклава в Центральной Азии». Она посвящена государству Западного Ляо (1125-1218), созданному киданями на территории Центральной Азии после разгрома чжурчженями империи Ляо. Основатель государства Елюй Даши, попыталась перенести на Запад именно ляосский вариант «мироустройства», и в какой-то мере у него это получилось. Кидани, установившие контроль над районом Семиречья, способствовали, как минимум, экономическому самоопределению региона в условиях пошатнувшейся внешней торговли, которую они всячески поддерживали. В начале XIII в. государство Си Ляо пало под натиском монголов.

Восьмая глава завершает диссертационное сочинение Г.Г. Пикова. Она, по мнению автора, отвечает на вопрос о месте киданей и их элиты в истории. Исследователь перечисляет заслуги киданей в истории не только Восточной Азии, но и всего Евразийского континента. Складывается впечатление, что он безраздельно влюблен в объект своего исследования, и это чувство не позволяет ему обращать внимание на других представителей азиатского региона, что затрудняет сформулировать объективную оценку происходивших там в X-XIII вв. процессов.

В работе Г.Г. Пикова имеется ряд высказываний, с которыми трудно согласиться. Остановлюсь на некоторых из них.

I. В Актуальности темы исследования автор указывает, что благодаря киданям «в монголоязычной зоне Восточной Азии впервые зарождается такая сложная форма государственности, как империя» (с. 4). Это высказывание порождает сразу несколько вопросов. Во-первых, что такое монголоязычная зона Восточной Азии, каковы ее границы в разные периоды времени и по каким критериям она выделяется? Во-вторых, как автор оценивает с

политологической точки зрения, созданные хунну, сяньби, тоба и жуань-жуанями политии, в том числе включавшие и северные области Китая, и являлись ли они империями? Далее в тексте диссертации можно найти пояснения по ряду из этих позиций.

Излагая положения, выносимые на защиту, автор пишет: «Империя – это не просто форма государства, а особая его стадия, для которой характерно наличие преимущественно аграрной экономики» (с. 19). Предложенное пояснение вызывает дополнительные вопросы: «Так чем же империя отличается от просто государства, почему не все государства достигают этой стадии и какими характеристиками помимо аграрной экономики обладает империя?» Четкие ответы на эти вопросы в диссертации отсутствуют. Возможно, эта неопределенность порождает сложности в понимании авторской трактовки и другого понятия, рассматриваемого в диссертации – «кочевая империя».

Автор пишет: «...под «кочевой империей» понимается такое государственное образование, политические, экономические и культурные центры которого находятся в степной зоне, хотя со временем в него и входят те или иные оседлые районы» (с. 20). Исходя из этого определения, целый ряд современных государств, таких, например, как Монголия или Казахстан, можно отнести к кочевым империям, ведь их столицы, являющиеся политическими, экономическими и культурными центрами, располагаются в степи. С другой стороны, в государстве киданей, которое диссертант считает кочевой империей, лишь верхняя столица Шанцзин находилась в степной скотоводческой зоне, остальные четыре столицы располагались в земледельческих районах. В связи с этим, можно ли считать империю Ляо кочевой империей, или это одно из китайских государств, экономика которого преимущественно базировалась на земледелии, а элита была представлена завоевателями из среды номадов?

Классическими кочевыми империями, по мнению Г.Г. Пикова, можно назвать державы Хунну, Ляо, Цзинь, Юань (с. с. 46). Но, если следовать логике автора, то среди четырех перечисленных политий, только держава хунну является классической кочевой империей, а Цзинь и Юань к этой категории государств причислить нельзя. Их политические, культурные и экономические центры находились вне пределов степи.

Еще более интересное рассуждение о том, что такое империя, можно увидеть на странице 42: «Задача любой «империи», и кочевники не исключение, - не завоевания, а максимально упорядоченное структурирование определенного пространства, для которого характерна пестрота и иерархия различных «лоскутков» – экономик (кочевой в разной степени развитости у монголоязычных и тюркоязычных племен и оседлой у различных подчиненных народов), языков, культур, этносов... Ни одна известная в истории империя не проводила сколь-нибудь масштабных завоеваний, а больше оборонялась».

Империя рисуется автором как идеальная политическая конструкция, правители которой только тем и занимались, что заботились о проблемах всех своих подданных вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности. В этом случае становится не понятным, почему же все они, в конце концов, распались? Г.Г. Пиков считает, что завоевание не относится к функциям империи, в связи с этим возникает вопрос: «Как они возникают, и как происходит расширение их территории?» К сожалению, я не могу припомнить ни одной империи, которая не вела бы завоевательные войны.

II. Во Введении диссертации автор пишет: «Фактором, усиливающим актуальность данного исследования, является вытекающая из аналитического рассмотрения социокультурной истории киданей возможность увидеть одновременно и сложное и диалектическое взаимодействие двух цивилизационных зон, оседлой и кочевой, которое и обуславливает своеобразие великой восточноазиатской цивилизации в целом» (с.5) После

прочтения этого предложения возникает вопрос: «Что понимать под великой восточноазиатской цивилизацией»? Если она включает и скотоводов-кочевников, проживавших к северу и западу от Китая, то это тогда уже Восточно-Центральноазиатская цивилизация, которая подменяет собой восточную оседлую (китайскую) цивилизацию и центральноазиатскую кочевую цивилизацию. Так ли это?

В дальнейшем Г.Г. Пиков более подробно останавливается на понятии «цивилизация». Например, к числу задач диссертационного сочинения автор относит и «Рассмотрение специфики кочевой империи киданей в контексте истории евразийской кочевой цивилизации» (с. 12), т.е. по его мнению, цивилизация кочевников все-таки существовала. Характеризуя её, автор пишет о совпадении признаков оседлой и кочевой цивилизации. Среди них он выделяет (с. 32-34):

1. Определенность территории;
2. Определенность исторического периода;
3. Стабильность и длительность существования;
4. Уникальность исторического развития;
5. Вновь стабильность и длительность существования;
6. Этноцентризм;
7. Этнокультурная «гибридность», что не совсем сочетается с предшествующим пунктом;
8. Особый алгоритм социокультурной жизни – гетерономический (То есть следование правовым нормам, установленным другими субъектами права. В чем оно проявляется у кочевых сообществ не совсем понятно – А.Х.);
9. Самобытность и оригинальность культурных представлений и традиций и их близость (о какой близости идет речь, не ясно – А.Х.);
10. Этнокультурный экспансионизм, доходящий до навязывания своей цивилизационной парадигмы.

С некоторыми из позиций Г.Г. Пикова сложно согласится, но, тем не менее, даже в авторской характеристике евразийской кочевой цивилизации хотелось бы видеть больше четкости, обоснованности и конкретики.

III. На странице 5 Г.Г. Пиков отмечает: «Политическая история киданьского государства есть квинтэссенция информации о деятельности этого своеобразного народа-элиты». Судя по этому отрывку, к элите в империи Ляо автор относит народ, т.е. киданей. Далее диссертант вновь указывает на то, что кидани «могут именоваться «народом-элитой» и считаться одним из примеров широко распространенного в Евразии явления, когда в I – начале II тыс. н.э. аналогичную роль играют многие этносы (готы, франки, бургунды, вандалы, арабы, чжурчжэни, монголы)». Правда в четвертой главе диссертации автор указывает, что элита Ляо – это, прежде всего, представители родов Елюй и Сяо. Как выстраивались отношения между элитой-народом и элитой-династией, и какое влияние первая из них оказывала на социально-политические процессы, протекавшие в империи, из текста диссертации не совсем понятно.

IV. Подчеркивая значение киданей в мировой истории, Г.Г. Пиков приписывает им первенство по целому ряду аспектов. Он пишет: «Это первый кочевой народ, который: создал не временный союз племен, а государство; создал постоянную армию как своеобразный трансформер: основу составляли регулярные отряды, к которым присоединялись войска племен и отряды родов; создал свою письменность; стал своеобразным мостом между Сибирью и Восточной Азией; предложил своего рода футурологический подход к своей культуре и стал не просто «следовать заветам предков», т.е. традициям, но и строить новое государство; этноментальная конструкция «кидань» («цидань») стала этнической основой будущего монгольского этноса. Это было, по сути, первое крупное средневековое собирание монгольских родов и племен в единое сообщество» (с. 22-23). С каждым из этих положений можно поспорить.

Первые государства кочевников возникали еще до киданей. Стоит вспомнить гиксосов, завоевавших в XVIII—XVI веках до н. э. часть Древнего Египта; касситов, господствовавших в Месопотамии в XVI—XII вв. до н. э.; парфян, образовавших в 256 до н. э. под предводительством Аршакидов самостоятельное государство, со временем превратившееся в крупную империю, включавшую территории между Евфратом и Индом, Каспийским и Аравийским морями, и целый ряд иных государств. В Центральной Азии одним из примеров ранних форм государственности у кочевников может выступать Уйгурский каганат (745-840 гг.). В нем фиксируются оседлые общины, урбанизация, развитие ремесла и транзитная торговля.

Еще до империи Ляо в Северном Китае существовало несколько государств, во главе которых были выходцы из кочевой среды: созданные *хунну* царства Северное Хань (304—329 гг.), Северная Лян (397 г.—439 гг.), Ся (407—431 гг.); *сяньби* – царства Дуань (250—325/338 г.), Западная Цинь (385 — 431 гг.) и Южная Лян (397 г.—414 гг.); ответвлением сяньби - *мужунами* созданы царства Раннее Янь (348—370 г.), Западное Янь (384 — 394 гг.), Поздняя Янь (386 г.—409 г) и Южная Янь (398—410 г.); другим ответвлением сяньби - *тоба* – царство Северная Вэй (386—534). Помимо государственного устройства, во многом копировавшего китайскую модель, у них существовала и регулярная армия.

Кидани не были первыми из кочевников, создавших свою письменность. Среди кочевников Евразии еще в VIII—X вв. н. э. распространяется орхоно-енисейский алфавит, разные варианты которого были известны на территориях Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов.

Кидани не были первыми из кочевников, способствовавшими поддержанию культурных, экономических и политических связей между Сибирью и Центральной Азией. Взаимодействие жителей двух регионов, еще более активное, чем в X-XI вв. фиксируется в период гегемонии хунну. Южное Забайкалье входило в состав их державы. Империя же Ляо

распространяет свое влияние в XI в. лишь на южную часть долины Аргуни, поддерживая экономические отношения преимущественно с соседними районами Юго-Восточного Забайкалья.

Еще до киданей разные группы кочевников (хунну, сяньби и их ответвления мужуны и тоба) активно стали перенимать не только отдельные элементы китайской культуры, но и все её базовые ценности. В Северном Китае ими было создано несколько государств, просуществовавших в общей сложности с III по начало VI в. Кочевники, составлявшие в них правящую элиту, со временем растворились в превосходящей их по численности китайской среде, утратив свою традиционную культуру.

Киданям не принадлежит заслуга «первого крупного собирания монгольских родов и племен в единое сообщество». До них это сделали сяньби, бывшие гегемонами в степях Центральной Азии во II - начале III вв., а затем жуань-жуани, создавшие каганат, просуществовавший с 402 г. по 552 г.

Отмеченные замечания не умаляют значения представленной Г.Г. Пиковым работы. Его диссертационное сочинение «Элита кочевой империи (на материале империи Ляо, 907-1125)» является оригинальным и самостоятельным научным исследованием, подготовленным на высоком профессиональном уровне.

Задачи, решение которых представлено в диссертационной работе Г.Г. Пикова, имеют большое значение для развития исторической науки, что соответствует требованиям п.9 «Положения о присуждении ученых степеней». Основные научные результаты диссертации отражены в 9 монографиях и 104 статьях, 21 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Считаю, что диссертационная работа Г.Г. Пикова отвечает современным требованиям ВАК

и может служить достаточным основанием для присуждения автору степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история».

13.06.2017

Официальный оппонент,
заведующий лабораторией археологии,
палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ,
доктор исторических наук по специальности 07.00.06 – археология, профессор кафедры истории и философии

Артур Викторович Харинский

664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет», тел.+79149002144, email: kharinsky@mail.ru

